

*Александра Матушенко,
Аспирантка Кафедры Политологии
Университета Марии Кюри-Склодовской в Люблине
omatushenko@gmail.com*

Социальные практики политических элит в Украине (в разрезе теории практик Пьера Бурдьё) *Social Practices of Political Elites in Ukraine (with Regard to the Theory of Practice of Pierre Bourdieu)*

Streszczenie:

W artykule rozpatruje się ukraińską elitę polityczną w świetle teorii praktyk, habitus, pola i kapitału, opracowanej przez francuskiego socjologa Pierre'a Bourdieu. W centrum uwagi znajdują się praktyki społeczne elit politycznych, które kształtują się pod wpływem wielu czynników, w tym instytucjonalne reguły, warunki gry, format walki politycznej, sposoby konkurencji, wartość różnych kapitałów w ukraińskim polu politycznym na różnych etapach rozwoju procesu politycznego w kraju. Oprócz tego, analizie poddano rzeczy mniej oczywiste i rzadko przyciągające uwagę badawczą, takie jak logika pola politycznego, habitus elit politycznych jako produkt poprzednich doświadczeń. Zwłaszcza, habitus ma tendencję do generowania dotychczasowych praktyk i jest odpornym na zmiany. Doświadczenia i realia świata społecznego, szczególnie w politycznych oraz biznesowych środowiskach wraz z praktykami, nasadzonymi przez poprzedni reżim, tworzą u aktorów politycznych specjalny tryb myślenia oraz percepcji (zarówno świadome jak i nieświadome) w odniesieniu do polityki i biznesu. Inaczej mówiąc, chodzi o obserwowane działania, zakorzenione w kulturze, które wytwarzają półautomatyczne, nie do końca uświadomione motywy i style zachowania. Zrozumienie tych mechanizmów i badania ich wpływu na praktyki społeczne elit politycznych prowadzi do głębszego zrozumienia procesu politycznego na Ukrainie.

Słowa kluczowe: elita polityczna, praktyki społeczne, teoria praktyk Pierre'a Bourdieu, habitus, pole polityki, kapitał

Summary:

The article analyzes political elites in Ukraine with regard to the theory of practices, habitus, field and capitals, developed by a French thinker Pierre Bourdieu. The author focuses on the social practices of political elites under the influence of such factors as institutional conditions, rules of the game, the scope of political struggles, the level and ways of maintaining competition, the value of different kinds of capitals in the field of Ukrainian politics at the different stages of the development of political process in the country. In addition, the article analyzes and takes into consideration such less evident and rarely noticeable issues as the logic of the Ukrainian field of politics, and habitus of political elites, which is the product of the social experiences of the past and is continuously generating previous practices and resistance to changes. Experience and realities the political actors face, particularly in the political and business environments, along with the practices generated by the previous regime, have planted certain settings and perceptions (both conscious and unconscious) concerning business and politics. One should not underestimate the influence of such settings, as they are constantly imposing impact on the practices. The understanding of the mechanisms and discovering the influence they have on social practices of political elites, leads to the deeper understanding of the peculiarities of political process in Ukraine in general.

Keywords: political elites, social practices, Pierre Bourdieu' theory of practice, habitus, the field of politics, capitals

1. Теоретические аспекты теории практик Пьера Бурдьё

Французский социолог и политический философ Пьер Бурдьё разработал концепцию социальных практик, которая тесно связана с концепцией габитуса, теорией полей и символического насилия в целом. Он безусловно относится к той школе, которая большое значение придает роли культуры и, следовательно, многое объясняет именно в ее плоскости. На наш взгляд, данная теоретическая модель вместе с моделями других ученых, занимающихся постсоветскими трансформациями, способна существенно помочь в анализе более глубоких и трудных для наблюдения и описания механизмов, присущих сферам власти.

Обращаясь к Бурдьё, мы оказываемся в теоретической плоскости конструктивизма и, частично, структурализма с акцентом на интерпретацию и конструирование так называемого поля, то есть определенной интересующей нас сферы общественной жизни. В противовес позитивизму, теория практики направлена на конструирование предметов познания по принципу структурированных и структурирующих диспозиций, формирующихся во время практик и постоянно направленных на практические функции. Речь идет о расположенности агентов [имеются ввиду акторы – А.М.] к тому или иному поведению и, соответственно, к принятию, исходя из предыдущего опыта, тех или иных решений, которые, в свою очередь, повлияют на дальнейшие действия. В этом смысле, Бурдьё помогает нам охватить некую преимственность поведенческих стратегий, логики принятия решений и, что самое главное, заданного способа мышления, которое чаще всего не позволяет вырваться из замкнутого круга, перейдя на качественно новую ступень развития не только определенной группе агентов, но и обществу в целом¹.

Термин «агент» для обозначения субъекта действия был выбран Бурдьё не случайно, поскольку он содержательно демонстрирует неотделимость субъекта от структуры, в рамках которой он способен осуществлять лишь те стратегии, которые предполагает и задает данная система. Таким образом, даже не являясь управляемой структурой марионеткой, объем практик агента в рамках каждой структуры, тем не менее, является ограниченным даже бессознательно, поскольку структура руководствуется собственной логикой, что вызывает у действующих в ней

¹ П. Бурдьё, *Социальное пространство: поля и практики*, Санкт-Петербург 2007, с. 554 – 576.

агентах так называемое «практическое чувство», то есть интуитивное ощущения логики системы и рефлексивное осваивание негласных правил. Не зря, вопросом, с которого начались все размышления Бурдьё на тему габитуса и социальных практик, был вопрос о том, каким образом могло бы регулироваться поведение человека в обществе, если бы оно не являлось продуктом повиновения правилам². Иными словами, ученый ищет ответ в более тонких и менее заметных механизмах господства и повиновения, на которых несомненно зиждется каждое общество. Выражаясь современными категориями, речь в данном случае идет о синхронизации и взаимном согласовании между социальной структурой и индивидуальными агентами. Упрощая, можно сказать, что сознательно или нет, агенты социальной структуры, то есть члены общества вместе с прописанным и поэтому осязаемым кодексом законов, впитывают не всегда осознаваемые принципы и негласные правила поведения, которые в гораздо большей степени регулируют наше поведение, поскольку в них заложено само отношение, восприятие и впечатление от окружающего мира и отношений и в нем.

В похожем ключе, другой, не менее известный французский мыслитель Мишель Фуко, в попытках докопаться до сути власти, находит причину несостоятельности всех прежних концепций в том, что до сих пор феномен власти отождествляли и, по инерции, продолжают отождествлять с государственной властью и ее институтами, в то время как сущность и механизмы осуществления оной ускользают от исследователя. В особенности, власть осуществляется посредством институтов, которые на первый взгляд не имеют с ней ничего общего, как например школы, университеты, больницы и просто институт семьи. Как подчеркивает Фуко, власть проникает в жизнь общества намного глубже, чем люди это осознают. И, что самое интересное в данном контексте, государственная власть, наоборот, во многом опирается и проистекает из отношений власти в семье, на работе, между детьми и родителями, мужчинами и женщинами, соседями и чиновниками. Согласно Фуко, вокруг каждого индивида существует «целый пучок властных отношений»³. В продолжение этих рассуждений мы находим у Пьера Бурдьё тезис о том, что власть — этот своего рода «круг, центр которого находится повсюду и нигде, который никогда специально не скрывался, достигая этого иными способами, — нужно уметь обнаружить власть там, где она менее всего заметна,

² M. Grenfell, *Pierre Bourdieu Key Concepts*, Durham 2010, с. 50.

³ Р. И. Зекрист, *Концепция власти Мишеля Фуко*, «Философия политики и политология», 2012, с. 40 – 43.

где она совсем не узнана, следовательно — признана». Такую невидимую, почти незаметную власть ученый называет символической властью и добавляет, что она может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ей или даже сам ее осуществляет⁴.

2. Особенности постсоветских трансформаций в Украине

В контексте трансформаций на постсоветском пространстве стоит отметить, что на ранних этапах демократического транзита в Украине, решающее значение отыгрывали именно эндогенные факторы демократии и демократизации, то есть речь идет о выборе политическими агентами стратегий своих действий и выстраивании системы отношений между представителями политической элиты. Вместе с тем, доказано, что такой выбор, в свою очередь, предопределен политико-культурными традициями, историческим и социально-культурным контекстами, внешними и другими структурными обстоятельствами⁵. Политическая культура элитных групп отображает региональные, демографические и другие факторы, которые повлияли на формирование внешнеполитических ориентаций, ценностей, стиля поведения и т.д. В то же время, общими чертами политического класса является сакрализация и персонификация власти, сохранение и возобновление неопатримониальных связей, непрозрачность принятия решений, недостаток политической ответственности и общих ценностей, доминирование конфликтной риторики и поведения, а также негативное отношение к критике со стороны политических оппонентов и СМИ⁶.

В концепции Бурдые важное значение играет роль так называемых диспозиций и предрасположенностей, как набора сформировавшихся отношений агента к определенному поведению и принятию решений, которое восходит из прошлого опыта и, в свою очередь, влияет на будущие практики. Это приводит нас к концепции габитуса, то есть системы устойчивых и переносимых диспозиций, которая порождает и структурирует практику агента и его представления. В свою очередь, габитус является продуктом истории, генерируя как индивидуальные, так и кол-

⁴ П. Бурдые, *О символической власти, в: Социология социального пространства*, Москва 2007, с. 87 – 96.

⁵ О. Марчак, *Политическая трансформация стран СНГ и Центрально-Восточной Европы в контексте единого глобального процесса демократизации*, “Сучасна українська політика. Політики і політологи про неї”, 2007 Вып. 9, с. 335-342.

⁶ Ю. Мацієвський, *Еліти в Україні до і після «помаранчевої революції»*, “Політичний менеджмент”, 2010 № 2(41), с. 40 – 41.

лективные практики в соответствии с порождаемыми историей схемами. Таким образом, через габитус наш прошлый опыт активно присутствует в теперешнем моменте, проявляя себя в схемах восприятия и способе мышления, что обеспечивает повторяемость и, следовательно, постоянство практик во времени гораздо более надежным образом, чем все формальные правила и прописанные нормы вместе взятые⁷. Неудивительно, что габитус склонен порождать общепринятые схемы поведения, которые имел ввиду мыслитель, задавая вышеупомянутый вопрос о регулировании человеческого поведения в обществе. Вместе с тем, не лишним в данном контексте будет привести тезис упоминаемого ранее Мишеля Фуко о том, что именно на подобные схемы, по восходящему принципу, опирается и государственная власть, хотя стоит отметить, что данный принцип одинаково работает в обе стороны, ведь за схемами поведения кроется огромная работа по образованию и воспитанию в процессе социализации индивида⁸.

Вследствие доминирующего в нашей культуре отношения к власти как к чему-то сверхценному, любая функциональная деятельность вызывает подозрения в скрытых претензиях на власть и господство. В целом, отношения господства и подчинения держатся на одном принципе – несимметричности субъектов подобного действия. Отношения зависимости глубоко укоренены и осмысленны для обеих сторон. Они воспроизводятся независимо от субъективных намерений участников⁹. В данном контексте также крайне важно отметить, что за размышлениями о роли рынка, свободе информации, представительских институтах демократии, часто остается без внимания тот факт, что сами эти структуры могут существовать лишь в определенном культурном поле. Любой социальный порядок объединяет разнообразное основание своего приятия и поддержки. Он защищается и обеспечивается миллионами миллионов ежедневных действий каждого из нас¹⁰.

Для изучения системы властных механизмов, лежащих в основе господства и подчинения в отношениях политических элит¹¹ в контексте постсоветских трансформаций, наиболее важное значение имеет такое

⁷ D. Swartz, *Culture and Power: the Sociology of Pierre Bourdieu*, London 1997, с. 95 – 116.

⁸ Р.И. Зекрист, *Концепция власти Мишеля Фуко*, “Философия политики и политология”, 2012, с. 40 – 43.

⁹ Л. Гудков, Б. Дубин, *Интеллигенция: Заметки о литературно-политических иллюзиях*, Санкт-Петербург 2009, с. 117.

¹⁰ Там же, с. 177.

¹¹ Под элитами, имеются ввиду те слои и группы, представители которых играют ключевую (позитивную или негативную) роль в выработке и реализации стратегических решений в ходе общественного функционирования, в том числе реформ и преобразований (В. Парето и Дж. Хигли).

свойство габитуса как его тяготение к постоянству, а также его сознательная и бессознательная, намеренная и непреднамеренная защита себя от каких-либо изменений. Уклонение от перемен происходит либо автоматически, либо в результате условий существования и среды. При этом, связь, которая устанавливается между определенным набором экономических и социальных условий в виде обладаемых агентами объемов и структур капиталов и характеристиками занимаемых ими должностей, а также стилей жизни – выстраивается в определенный тип габитуса и последующие социальные практики, которые поддаются анализу. Важно отметить, что сознательно совершаемые самими агентами стратегии и приспособления предполагают усвоение некоего общего кодекса и наличие попыток коллективной мобилизации, а последние не могут быть успешными без минимума согласия между габитусами мобилизующих массы агентов и диспозициями тех, кто узнает друг друга по практикам или дискурсам, а также без склонности группироваться, которую вызывает стихийное согласование диспозиций¹².

3. Поле украинской политики и его капиталы

В данном контексте должное внимание стоит уделить также вопросам поля и капиталов, поскольку именно последние, по терминологии Пьера Бурдьё, являются «валютой» в каждой отдельно взятой сфере общественной жизни, которые, в свою очередь, представляются как поля¹³. Под полем автор теории практик подразумевает относительно автономную систему отношений между позициями, которые занимают агенты в социальном пространстве, где ведется постоянная борьба агентов как за достижение доминирующих позиций, так и за контроль над теми ресурсами, которые преобладают в данной сфере. Следует отметить, что каждому полю соответствуют определенные социальные практики и связанные с ними диспозиции, а также подчеркнуть тот факт, что доминирующие позиции в полях обычно занимают обладатели наибольшего капитала либо капиталов, ценных в данном поле¹⁴. Кроме этого, стоит обратить внимание на так называемую логику поля, которая предполагает уже упоми-

¹² П. Бурдьё, *Структура, габитус, практика*, “Журнал социологии и социальной антропологии”, 1998, том I, выпуск 2.

¹³ P. Bourdieu, *The Forms of Capital*, в: *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*, ред. J. Richardson, New York 1986, с. 24 – 58.

¹⁴ П. Рыкин, *От моделей к стратегиям: Пьер Бурдьё и его вклад в этнологическую теорию*, “Вопросы теории”, 2007, № 4, с. 4 – 15.

наемое ранее практическое чувство, возникающее в виде интуитивного ощущения негласных правил и рефлексивного инертного следования им.

Капиталы представляют собой тот ресурс, который агенты используют для максимально успешной реализации своих интересов внутри поля. Иными словами, капитал дает власть распоряжаться продуктом деятельности, в котором опредмечены прошлые практики. Поскольку капитал предоставляет возможность распоряжаться необходимыми условиями и предпосылками практик, он также является и силовой структурой – структурой господства и власти над другими агентами. Таким образом, тот или иной капитал агента является мерой власти, которой наделен агент, а также мерой влияния, которое оказывает на него самого эта сила. Важно отметить, что позиция каждого агента в социальном пространстве определяется объемом и структурой его капиталов¹⁵.

В советском обществе выработались определенные механизмы согласования интересов различных элитных групп. В 80-х годах, при общем доминировании отраслевых элит в распределении ресурсов, усиливается роль региональных элит. Позднее, с началом перестройки, в противовес отраслевым и, частично, региональным элитам, значительно возрастает роль идеологических элит, что вызывает между ними ожесточенную борьбу за влияние на протяжении последних лет существования СССР¹⁶. После его распада отраслевые министерства прекратили существование, и управление индустриальными активами перешло к региональным элитным сетям, что способствовало возникновению местных финансово-промышленных групп. Наиболее влиятельные ФПГ возникли в самых развитых в индустриальном отношении регионах - Днепропетровском и Донецком. В то же время, между кланами вышеупомянутых регионов часто имели место серьезные конфликты за ресурсы и политическое влияние, благодаря чему создавались относительно равные условия на распределение ресурсов между основными агентами. Таким образом, ни один из них не обладал монополией на капитал и не мог отыгрывать доминирующую роль. Более того, в контексте появления и укрепления ФПГ своего влияния в украинской политике, стоит обратить внимание на то, что их общей целью было получение бюджетных дотаций в нужный сегмент экономики. Следовательно, введение рыночных и демократических правил игры в экономике и политике не соответствовало их интересам¹⁷.

¹⁵ П. Бурдьё, *Социальное пространство: поля и практики*, Санкт-Петербург 2007, с. 558 – 559.

¹⁶ Е. Авраамова, И. Дискин, *Социальные трансформации и элиты*, “Общество и реформы”, 1994, с. 14 – 26.

¹⁷ A. Aslund, *The End of Rent-Seeking*, в: *When Is Transition Over?*, ред. A. N. Brown, Michigan 1999.

Важно также помнить, что лишь укорененная элита обладает необходимой сетью контактов, чтоб получать выгоду от промедления стабилизации. Новые правительства, не укорененные в старой системе – или укорененные лишь частично – не обладают необходимой для такой стратегии сетью. Этот тезис подтверждает анализ взаимосвязи между степенью непрерывности элиты и стабилизации экономики на постсоветском пространстве, что, в свою очередь подтверждает предположение о том, что именно у укорененной номенклатурной элиты была достаточная мотивация либо остановить реформы, либо получить выгоду от инфляции, пока она остается при власти. В большинстве стран бывшего Советского Союза старая элита, которая продолжала пребывать у власти в ново созданных государствах имела возможность использовать свое служебное положение для получения «ренты», а также благодаря приватизации репозиционировать себя как де-юре владельца активов, которыми она де-факто управляет¹⁸. Следует учесть, что основную помеху для реформ составляют не те, кто сразу оказался в проигрыше, а те, кто сначала получили выгоду и захотели законсервировать реформы во время фазы с высокой инфляцией и большими экономическими и социальными убытками. Те, кто сразу же оказались в выигрыше, начали консервировать экономику в состоянии частичного равновесия реформ с высокой инфляцией, что давало им возможность получать сверхвысокую ренту, в то время, как расплачивалось за это остальное общество¹⁹.

Бурдьё различает четыре вида капиталов: экономический (материальные ценности), культурный (образовательный и интеллектуальный уровень индивида), социальный (происхождение, текущий статус и групповая идентичность индивида) и символический (престиж, репутация, слава, харизма). Капитал выступает источником и одновременно условием достижения власти, поэтому агенты, как правило, ориентируют свои практические стратегии на максимизацию всех доступных им видов капитала²⁰. В данном контексте важно отметить, что агенты могут прибегать к нескольким стратегиям: как пытаться увеличить или сохранить свой капитал соответственно с существующими формальными и неформальными правилами игры, так и действовать в направлении ча-

¹⁸ О. Нооргард, *Економічні інституції та демократична реформа: порівняльний аналіз посткомуністичних країн*, Київ 2007, с. 234.

¹⁹ Ю. Мацієвський, *Еліти в Україні до і після «помаранчевої революції»*, «Політичний менеджмент», 2010 № 2(41), с. 47.

²⁰ П. Рыкин, *От моделей к стратегиям: Пьер Бурдьё и его вклад в этнологическую теорию*, «Вопросы теории», 2007 № 4, с. 4 – 15.

стичного или полного изменения правил игры. Таким образом, они могут попытаться изменить ценность того или иного вида капитала благодаря стратегиям, направленным на дискредитацию тех капиталов, которыми в изобилии обладает противник и одновременно придать больший вес капиталов, которых больше всего у них самих. В поле власти происходит больше всего конфликтов именно такого типа, особенно когда речь идет о перехвате государственной власти, а именно о экономических и политических ресурсах, дающих государству власть над всеми играми и правилами таких игр²¹.

Показательно, что каждая из групп, выкристаллизовавшихся в независимой Украине, обладала разными видами капиталов, благодаря которым могла осуществлять определенный тип влияния. Так, днепропетровская группа, которая, как известно, длительный период времени являлась «кузницей кадров» на высшие руководящие посты Советского Союза²², обладала большим количеством влиятельных и внезапно обогатившихся - за счет конвертации своего политического влияния от занимаемой в прошлом должности в экономический капитал и обратно - кадров. Но самым главным капиталом днепропетровской элиты был капитал социальный, то есть принадлежность к определенной группе, включение в сеть влиятельных контактов, мощная поддержка со стороны группы и т.д. За счет индустриальной развитости, вместе с присущей донецкому региону специфической агрессивной манерой ведения бизнеса, он превратился в мощный центр, имеющий удельный вес на политической сцене на протяжении всего периода независимости. Консолидация политической и бизнес элит, которая имела место в 90-х годах в данном регионе превратила последний в сплоченный и мощный центр влияния на украинскую политику в виде получения финансовой поддержки из государственного бюджета и постепенно увеличивая количество кадров со своего региона в государственных кабинетах.

Обладая относительно большим экономическим и социальным капиталами, представителям донецкой элиты все же не хватало других, тоже ценных для поля политики капиталов, а именно, культурного и символического. Стоит обратить внимание на то, что сильной стороной донецкой элиты всегда являлась ее ощутимая региональность и так называемый

²¹ P. Bourdieu, L. Wacquant, *Zaproszenie do socjologii refleksyjnej*, Warszawa 2001, s. 212 – 265.

²² Б. Ручкин, *Комсомольская элита в советский и постсоветский периоды развития страны*, «Знание, понимание, умение», www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/6/Ruchkin_Komsomol_Elite/, [просмотрено: 01.12.2014].

«региональный патриотизм», который, в отличие от населения центра и запада страны не ассоциируется с патриотизмом к государству в целом. Цитируя украинского историка Ярослава Грицака, «на Галичине, где галицкая идентичность очень сильная, одна из самых сильных, - она все же глубоко укоренена в украинскую идентичность, то есть на Галичине быть «галичанином» и «украинцем» - это практически одно и то же. В тоже время, на Донбассе быть донецким – не означает автоматической принадлежности ни к украинской, ни к российской, ни к советской или любой другой нации»²³.

4. Тактики и стратегии украинских политических элит

Украинское государство являет собой государство ситуативных и вынужденных компромиссов²⁴. С самого начала его существования летом – осенью 1991 года Донецк, Киев и Львов («который значительно отличается от Востока в этнодемографическом отношении, политической позицией и культурными приоритетами»²⁵) создали между собой негласный союз на том основании, что перспектива отделения от Москвы во имя общей безопасности и общего интереса показалась взаимовыгодной всем группам агентов. Но, как показывает дальнейшая история, одна из главных проблем политических элит Украины состоит в том, что между ее представителями из разных региональных и идеологических лагерей отсутствует стратегический компромисс в то время, как у каждой группы агентов сохраняется иллюзия, что приход к власти осуществляется раз и навсегда²⁶. Тем не менее, в рамках предлагаемого подхода социальных практик Пьера Бурдьё, подобная логика не является данностью, и, тем более, не проистекает, как это может показаться на первый взгляд, из сиюминутных потребностей и сложившихся в данный момент обстоятельств. Дело в том, что сама возможность мышления в категориях поиска стратегического в отличие от тактического компромисса предполагает отказ от стратегии игры с нулевой суммой, когда победитель получает все рычаги влияния в аппарате власти, а, получив их, пытается стремительно закрепить свои позиции авторитарными методами,

²³ Я. Грицак, *Дві України, в: Життя смерть та інші неприємності*, Київ 2010, с. 176.

²⁴ И. Медвидь, *Государство вынужденных компромиссов. История постсоветской Украины (1991 - 2013), в: Перед выбором: Будущее Украины в условиях системной дестабилизации*, ред. А. Гиля и Т. Стемпневски, Люблин-Львов-Киев 2013, с. 106.

²⁵ Р. Шпорлюк, *Політика «по-львівськи»: спроба коментаря, в: Формування модерних націй*, Київ 2013, с. 518.

²⁶ Я. Грицак, *Дві України, в: Життя смерть та інші неприємності*, Київ 2010, с. 180.

как было в случае Александра Лукашенко, Владимира Путина, Виктора Януковича и других лидеров в постсоветских обществах. Вся семидесятилетняя история СССР была построена и зиждилась на логике безусловного доминирования одной идеологии, одной партии, одного способа мышления, поэтому неудивительно, что после стольких лет деятельности в границах и под всеобъемлющим влиянием советской системы, политические лидеры ново созданных государств плохо представляли себе модель эффективного взаимодействия на одной политической арене сразу нескольких групп влияния с разными представлениями о дальнейшем развитии государства как в экономической, так и в политической плоскости. Это результат действия габитусов политических элит, которые по инерции воспринимают мир с точки зрения своего последнего опыта и даже на подсознательном уровне сопротивляются переменам, предпочитая использовать лишь знакомые и проверенные практики.

Важным моментом в данном контексте стал процесс введения в Украине института президентства, который начался весной 1991 года и стал одним из решающих факторов в процессе установления новой правящей политической элиты. В этом же году в Украине выкристаллизовывается такое понятие как партия власти, которая довольно быстро превращается в основной канал рекрутации политической элиты. Состояла она из представителей прагматически ориентированных и деидеологизированных высших слоев старой номенклатуры, представителей государственного аппарата, средств массовой информации, руководителей традиционных секторов экономики и сельского хозяйства. Эта частично демократизированная номенклатура использовала лозунги бывшей оппозиции, декларируя таким образом свою переориентацию, в то время как последняя оказалась неспособной к тактической организованной политической борьбе. С другой стороны, централизованная институциональная структура государственной власти и управления, в первую декаду независимости, была не в состоянии эффективно привлечь в процессы реформ общественные силы и оппозиционные институты²⁷. Кроме этого, в самой оппозиции оказалось множество внутренних противоречий и расхождений, которые не способствовали усилению ее позиций в политической сфере²⁸. Важно и то, что оппозиция обладала

²⁷ Л. Бунецький, *Деякі проблеми реформування інституційних основ системи політичних відносин та влади в державах транзитного характеру (на прикладі України)*, "Філософія. Політологія", 2007 (87-88), с. 60.

²⁸ Л. Мандзій, *Формування політичної еліти України (1991-1994 р.)*, в: *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету*, Запоріжжя, 2008 Вып. 24, с. 230 – 235.

преимущественно символическим и культурным капиталом, не имея в наличии ни мощной сети социальных связей, ни экономической подоплеки для эффективного сопротивления режиму. Стоит напомнить, что даже медиа в первую декаду независимости были практически всецело подконтрольны центральной власти, активизировавшись лишь ближе и во время оранжевой революции. В следствии глубокого экономического кризиса, переживаемого страной в 90-х годах, в поле украинской политики самыми ценными капиталами выступали экономический и социальный. Таким образом, те виды капиталов, которыми обладала украинская оппозиция в тот период, не представляли первоочередной ценности в поле политики и, кроме всего прочего, были частично переняты и употреблены в риторике правящей элиты, что на тот момент казалось достаточным для создания образа проукраинской власти. В начале второй декады, когда общественный запрос на культурный и символический капиталы становился все более ощутимым (вместе с возрастающей по ряду причин неудовлетворенностью президентом), Леонид Кучма, неустанно маневрирующий между донецким, днепропетровским и киевским кланами, издает книгу под неожиданным названием (и содержанием) «Украина – не Россия», что, по нашему мнению, было нацелено на получение культурного капитала путем убеждения украинцев в своем патриотизме и приверженности национальным ценностям: «считаю, что мысль про абсолютную важность национальной культуры должна быть донесена до каждого еще на школьной скамье, чтоб человек не должен был доходить до всего своим умом в сорок или пятьдесят лет»²⁹.

С другой стороны, важно отметить и то, что сценарий «победитель получает все» так и не был реализован в Украине ни Кучмой, ни тем более Ющенко³⁰. Фактически, наличие нескольких конкурирующих центров в лице, сначала, донецкого и днепропетровского, а позже и киевского регионов, не позволили представителю ни одного из этих центров полностью монополизировать принятие ключевых решений. Подтверждением этому тезису служит хотя бы неудачная попытка президента Леонида Кучмы усилить собственные, и без того обширные, президентские полномочия через получение дополнительных рычагов влияния на украинский парламент во время второго срока правления, а также последующая попытка превращения Украины из президентско-парламентской в

²⁹ Л. Кучма, *Україна – не Росія: повернення в історію*, Москва 2004, с. 110.

³⁰ В. Гельман, *Из огня да в полымя*, с. 15, csis.org/images/stories/Russia%20and%20Eurasia/061207_ruseura_acgelman.pdf, [просмотрено 25.11.2014].

парламентско-президентскую республику в надежде остаться сильным премьер-министров после окончания второго срока своего президентства. Ни то, ни другое не удалось, в том числе, из-за влияния донецкой и постепенно возрастающего влияния киевской региональной элиты, которые, очевидно, были настолько сильными, что с ними нельзя было не считаться.

Одной из примечательных тенденций начала 2000-х годов стала возрастающая роль Партии Регионов в парламенте и также кадровые изменения в кабинете министров и администрации президента. Вместе с этим, наличие мощного экономического и социального капиталов, которые, ко всему прочему, тесным образом связаны и переплетены между собой в результате срастания бизнеса и политической элиты в украинском государстве³¹, - оказалось недостаточно, чтоб власть перешла от одного регионального центра к другому. Благоприятными для этого факторами были возрастание влияния центра (имеется ввиду киевской группы) и, прежде всего, возрастание роли в обществе таких капиталов как культурный и символический, что, в свою очередь, было связано с возникновением и постепенным укреплением институтов гражданского общества, а также стабилизацией и последующим ускорением экономического развития. Сам факт оранжевой революции является доказательством того, что региональная донецкая элита, вместе с днепропетровской (а первая намеревалась перенять власть у последней), - недооценили роль тех капиталов – культурного и символического (речь идет о образованности, интеллигентности, духовности, харизматичности, идейности, патриотичности и демократичности) – которыми они не обладали, одновременно переоценив роль экономического и социального, которая по-прежнему оставалась важной, но не решающей. Вместе с тем, представители оппозиции к предыдущему режиму, которые, в отличие от вышеупомянутых политических агентов, в гораздо большей степени обладали культурным и символическим капиталом, - быстро потеряли полученные с помощью оранжевой революции позиции из-за недостатка именно социального и экономического капиталов.

После оранжевой революции имело место формирование кадрового потенциала и закрытости элиты для новых агентов в то время, как обновление группы происходило преимущественно за счет элитарных кадров в середине самой структуры, причем за критериями в духе времен совет-

³¹ W. Baluk, *Transformacja systemu politycznego Ukrainy, Mołdowy i Białorusi*, в: *Białoruś, Mołdawia i Ukraina wobec wyzwań współczesnego świata*, ред. Т. Капуśniак, К. Федорович, М. Голос, Lublin 2009, с.17.

ского союза, а именно по принципу личной преданности и протезирования со стороны высшего руководства. Таким образом, предпочтение по-прежнему отдавалось не высоким моральным и профессиональным качествам, а наличием социального капитала, то есть можно говорить о формировании принципов «негативного отбора», что в конечном итоге приводит к второстепенному значению ценностей права в структуре сознания у представителей политической элиты. Практики, которые используются в арсенале политического класса и стиль деятельности элитных групп в Украине способствовал возвышению корпоративных норм и ценностей над общенациональными³².

5. Влияние габитуса украинских элит на поле украинской политики

Согласно Бурдьё, важно соблюдать следующую формулу: габитус, умноженный на капитал плюс поле равняется практике. Следовательно, социальные практики оказываются результатом взаимодействия предрасположенностей (габитуса) индивида и позиций, занимающих им (капиталом) в определенном социальном пространстве, которым является поле. Другими словами, социальные практики являются не просто результатом габитуса индивида или группы, а скорее отношением между габитусом и его текущими обстоятельствами³³.

Важно помнить, что габитус, то есть «практическое чувство», усваиваемое агентами в ходе социализации и, соответственно, позволяющее им производить оптимальные для той или иной ситуации практики, - всегда склонен опираться на изменения, которых требует логика данного поля. Продукт прошлого социального опыта склонен активизироваться в том случае, если нынешняя социальная ситуация аналогична тем условиям, в которых он когда-то сформировался. Агенты очень медленно меняют свои установки, пытаются законсервировать предшествующие поведенческие механизмы, тем более, что принцип габитуса основан на применении рефлексивных практических навыков, которые не являются ни полностью сознательными, ни всецело автоматическими, что, по словам Бурдьё, приводит к тому, что «агенты скорее натываются на собственную

³² О. Крюков, *Політико-управлінська еліта України: особливості становлення та розвитку в умовах суспільної трансформації*, Київ 2007, с. 400 – 420.

³³ М. Grenfell, *Pierre Bourdieu Key Concepts*, Durham 2010, с. 52.

практику, чем выбирают ее свободно»³⁴. В случае, когда механизмы все же меняются, восприятие и отношение к предмету остается прежним, что в любом случае оказывает влияние на качество принимаемых решений. Такой процесс «отставания за реальностью» [мои кавычки – А.М.] объясняется запаздыванием с адаптацией габитуса к изменениям в социальном мире.³⁵

Накладывая вышеупомянутое утверждение на практику внутри элитных отношений (охватывающих безусловно, как формальных, так и неформальных агентов и групп), мы наблюдаем силу и влияние габитуса старшего советского поколения чиновников, красных директоров, лидеров ФПП, а также их родственников, знакомых и партнеров по бизнесу, которые продолжают жить логикой поля политики конца 80-х и начала 90-х годов, когда надежным способом удержания власти представлялся всеобъемлющий контроль над всеми агентами и группами влияния. Кроме этого, немедленное обогащение за счет государственного бюджета и реализации коррупционных схем являлось само собой разумеющимся. Что интересно, мало кто из представителей правящей времен Януковича (как и времен Кучмы и Ющенко) команды скрывал свое богатство. Как видно, одна из важных причин общественной неэффективности политических элит состоит в том, что у последних нет необходимости принимать во внимание интересы общества и они не ощущают потребности отвечать за свои действия.³⁶

Как уже упоминалось, в отношениях украинских элит преобладают ситуативные компромиссы и временные договоренности, направленные на удовлетворение собственных потребностей в виде власти и богатства. Таким образом, если одна из элитных групп чувствует себя уязвленной, то она легко нарушает соглашения и ищет других союзников, чтоб в максимальной мере реализовать свои интересы и потребности. Часто такие попытки заканчиваются переходом в другую партию или фракцию в парламенте, что стало особенно популярно после прихода к власти Виктора Януковича в 2010 году и последующих парламентских выборов, на

³⁴ П. Рыкин, *От моделей к стратегиям: Пьер Бурдьё и его вклад в этнологическую теорию*, «Вопросы теории», 2007 № 4, с. 10.

³⁵ Anna Leander, *The 'Realpolitik of Reason': Thinking International Relations through Fields, Habitus and Practice, в: Qualitative Methods in International Relations, A Pluralist Guide*, ред. А. Klotz, D. Prakash, New York 2009, с. 3 – 15.

³⁶ Ю. Мацієвський, *Еліти в Україні до і після «помаранчевої революції»*, «Політичний менеджмент», 2010 № 2(41), с. 40.

которых оппозиционные партии хоть и набрали почти 50% голосов³⁷ - не помешало многим парламентариям в скором времени переметнуться в другой политический лагерь. В украинских медиа народные депутаты, практикующие подобные стратегии, получили название «тушки», подразумевающая их продажность. Стимулом к значительному увеличению количества подобных практик послужило внесение изменений в Регламент Верховного Совета в 2010 году, который позволил не только фракциям присоединяться к коалициям в парламенте, а и отдельным депутатам. В следствии изменений, для создания коалиции уже не обязательно было искать компромисс с другими политическими партиями, а стоило лишь договориться с конкретными парламентариями о персональном присоединении последних к коалиции, что сделать было значительно легче.

Отмена Конституционной реформы президентом Виктором Януковичем повлекла за собой вторую волну подобных практик, что сначала вызвало большой резонанс в обществе, но со временем превратилось в некоторой степени обычную, распространенную практику. Бывший глава фракции «Батькивщина» Арсений Яценюк, делясь с общественностью подробностями закулисных баталий, отметил, что «политическая атака на депутатов происходит по двум направлениям – либо шантаж касается бизнеса (которым так или иначе занимаются многие парламентарии либо члены их семей – А.М.) нередко с помощью прокуратуры либо подкуп депутата посредством огромных сумм»³⁸. По словам Яценюка, за выход из возглавляемой им фракции депутатам предлагали 5 миллионов долларов, не считая 100 тысяч долларов ежемесячно на содержание.³⁹

Можно с уверенностью утверждать, что вопреки ожиданиям, институциональный компромисс, достигнутый после оранжевой революции, не стал «принципиальным демократическим моментом»⁴⁰ для Украины вследствие неожиданного пересмотра правил игры президентом Виктором Януковичем. Ломая предыдущее соглашение в виде ограничения президентских полномочий, он незаконным образом возвращает себе власть, не вызывая при этом существенного сопротивления со стороны остальных агентов, позиции которых заметно ослабели.

³⁷ Central Electoral Committee, Information about the vote count in national multi-constituency. Elections of people's deputies 2012.

³⁸ "Яценюк розповів, скільки коштують тушки", 24.04. 013, www.pravda.com.ua/news/2013/04/24/6988898/ [просмотрено: 15.10.2014]

³⁹ Там же.

⁴⁰ Данный термин используется Владимиром Гельманом для описания ситуации, когда посредством институционального компромисса между актерами устанавливается взаимодействие в рамках установленных и утвержденных всеми сторонами правил игры, которые не нарушаются.

Таким образом, баланс сил, который, так или иначе, сохранялся на протяжении первых двух декад независимости, заметным образом изменился в пользу представителей донецкой элиты и так называемой «семьи», объединенной вокруг сына Президента Александра Януковича, которая включала в себя представителей преимущественно (но не только) Донецкой, Луганской и Харьковской областей. Вышеупомянутые политики получили огромный экономический капитал посредством социального капитала, который состоял в приближенности к первым лицам государства и получении доступа к государственным ресурсам при помощи занимаемых должностей, а также привилегированного доступа к тендерам в рамках государственного заказа, подчинения налоговой службы и прокуратуры, что значительно упростило мгновенное обогащение ново созданной «семьи» и уже существующих олигархических кланов. Логика их деятельности полностью соответствовала уже упоминаемой старой схеме, заключающейся в максимально быстром подчинении себе как административного, так и экономического ресурсов с одновременно проводимой политикой устранения влиятельных оппозиционных агентов и подавления свободы слова. Одним из кульминационных моментов такой политики стало приобретение членом «семьи» одного из самых больших медиа-холдингов Украины - United Media Holding group, охватывающим самые популярные издания. Полгода ранее, тот же покупатель, - коим был двадцати восьмилетний, стремительно разбогатевший выходец из Харькова Сергей Курченко - приобрел Одесский нефтеперерабатывающий завод, обеспечив заводу возмещение из бюджета в сумме около 200 млн гривен многолетней задолженности по НДС. Это лишь один из многочисленных примеров того, какие практики и механизмы использовались для обогащения, удержания и, что немаловажно, усиления власти новой командой, а также того, как стремительно и слажено они распоряжались бюджетными средствами для осуществления бизнес-схем.

6. Заключение

Показательно, что несмотря на артикулированный оранжевой революцией запрос общества на изменение логики поля политики и важность других капиталов, а именно, символического и культурного, - логика политических агентов, оставалась прежней: они продолжали применять предыдущие поведенческие стратегии еще более рьяно. В частности, у «семьи» Виктора Януковича особенно ощущался подход «сейчас или никогда», что вылилось в беспрецедентные в истории независимой Украины суммы нанесенного бюджету ущерба. К сожалению, такой подход вполне соответствует тем установкам, с которыми приходили в украинскую политику десятки других политиков, начиная со времен независимости. Одним из самых показательных и скандальных примеров таких стратегий является бывший премьер-министр Павел Лазаренко⁴¹. Не принимая во внимание предыдущий опыт и второй раз недооценивая темпы развития гражданского общества, которые заметно ускорились после 2004 года, - команда Виктора Януковича руководствовалась логикой, вполне характерной для габитуса старого поколения советской управленческой элиты, предполагающей, пользуясь классификацией Владимира Гельмана, реализацию схемы, при которой «победитель получает все».⁴² Поскольку данную схему не удалось реализовать ни трем предыдущим президентам, ни четвертому, напрашивается следующий вывод: необходимы не только институциональные реформы и смена механизмов реализации власти, а, в первую очередь, самого подхода и установок, которыми руководствуются политические агенты в поле политики. Краткосрочные тактические расчеты должны уступить место долгосрочному стратегическому мышлению в рамках принципиально нерушимых правил игры ни одним агентом. Последним необходимо больше прислушиваться к логике поля политики, чтоб адекватно отвечать на новые вызовы и запросы общества.

В заключение следует отметить, что влияние глубоко заложенных и далее действенных механизмов, которые до сих пор дают о себе знать в поле украинской политики в большой степени способствует продолжительности во времени логики, унаследованной со времен перестройки и первой декады независимости страны. Практическое чувство, менталь-

⁴¹ С. Лещенко, *Американська сага Павла Лазаренка*, Львів 2013.

⁴² В. Гельман, *Из огня да в полымя*, csis.org/images/stories/Russia%20and%20Eurasia/061207_ruseura_acgelman.pdf, [просмотрено 25.11.2014].

ные установки, восприятие и интуиция, присущие украинским политическим элитам порождают практики, которые направлены скорее на консервирование расклада политических сил в определенный момент с целью закрепить и усилить преимущество той группы политических агентов, которая находится у власти в данный момент. Таким образом, украинская политика остается одномерным политическим пространством, где тактическое мышление многократно превышает стратегическое, не позволяя, таким образом, действовать в ракурсе долгосрочной перспективы, а также в рамках сотрудничества и консолидации. Инструменты, разработанные разными группами элит для максимально быстрого обогащения и усиления влияния в виде коррупционных схем и механизмом укрепления центральной власти, - так глубоко укоренены в государственной системе, что существует слишком высокая вероятность перенимания практик предыдущих агентов новыми чиновниками и государственными деятелями на каждом уровне. Кроме этого, одним из самых труднопреодолимых результатов предыдущих социальных практик политических элит является их ментальная укорененность, преемственность и тенденция к повторяемости, в результате чего любые изменения, реформы и нововведения (особенно в сторону демократизации) неминуемо натываются на мощное сопротивление как на сознательном, так и рефлексивном уровнях. Таким образом, чем дольше полем политики руководит логика сиюминутных порывов и персонализированных тактических побед с акцентом на получении быстрых дивидендов от принимаемых на государственном уровне политических решений при игнорировании культурного и символического капиталов, - тем труднее становится задача привнести существенные изменения в функционирование данной системы.